

Текст · 15 августа 2022, 07:13

Петр Рузавин,

«Что люди будут делать зимой?». Репортаж из Донецкой области, откуда власти пытаются эвакуировать оставшихся жителей

Покровск — относительно спокойный город в подконтрольной Украине части Донецкой области. Он находится недалеко от границы с Днепропетровской областью, до линии фронта — несколько десятков километров. В Покровске все еще работает одна из немногих в регионе гостиниц, там селятся украинские и иностранные журналисты, волонтеры и консультирующие украинских военных инструкторы из США и Европы — бывшие военные.

В центре небольшого городка соседствуют ларьки с шаурмой, точки изготовления надгробных памятников, кофейни и алкомаркеты. Если зайти в такой, на полках увидишь только десятки сортов безалкогольного пива: по всей области действует сухой закон, алкоголь официально нигде не купить.

Надпись на стенде. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

«Военные столько обычного пива не пили, сколько сейчас безалкогольного», — смеется украинский военнослужащий. По образованию он кинорежиссер, на фронт пошел еще в 2014-м, после аннексии Крыма и начала войны в Донбассе. Военный говорит, что это хоть как-то напоминает о жизни до вторжения — вкус пива, пускай и безалкогольного. Хотя местные в селах, конечно, все равно гонят самогон.

В небольшой уличной кофейне на стенде надпись: «Украинские солдаты как кофе — или очень крепкие, или очень горячие. Российские солдаты как чай — либо россыпью, либо в пакетиках».

Спокойствие Покровска очень относительное, лишь по меркам общей ситуации в Донбассе. 28 июля, как только мы заселились в отель, в нескольких сотнях метров прогремел взрыв: российская ракета прилетела на железнодорожный вокзал. Пока мы спешили в бомбоубежище, вахтерша в гостинице вполне буднично удивлялась: чего теперь прятаться-то, уже ведь прилетело. Донецкая область так близко к фронту, что зачастую сначала случается взрыв и лишь потом включается сирена воздушной тревоги.

Был уже поздний вечер, погибших не было, несколько человек пострадали. Попадание по вокзалу неизбежно напоминает обстрел железнодорожного вокзала в Краматорске в апреле, когда погибли 62 человека. Именно после этого эвакуация переместилась на железнодорожный вокзал Покровска — сейчас единственный работающий вокзал в Донецкой области, откуда эвакуируют людей.

Железнодорожный вокзал Покровска. Фото: Анна Цыгима

На следующий день после прилета работа была восстановлена: каждый день в назначенный час автобусы привозят с разных концов области желающих уехать на вокзал, где их ждут поезда.

Там им помогают волонтеры, например Роман Бугаев, он работает в благотворительном фонде «Ангелы спасения». «Бывает наплыв, когда люди понимают, что опасность, когда прилетает, они ощущают на себе, что это такое, — рассказывает он. — Бывает в день по 300–400 человек. Сегодня плюс-минус спокойно, и люди неохотно уезжают. Я думаю, это просто необдуманно. У нас много было заявок по эвакуации из Северска, до этого — из Лисичанска. Мы много хотели вывезти людей, но большая часть людей просто до последнего сидит и думает. А потом, когда уже приходит время, мы их не можем физически вывезти, потому что идут обстрелы».

Роман Бугаев из Северодонецка в Луганской области, города, который российская армия захватила в

первой половине лета. Перед этим она практически полностью разрушила город артиллерийскими обстрелами. Сам Роман вывез родственников и близких оттуда еще в марте, а затем вернулся, чтобы помогать эвакуировать людей из других частей Донбасса.

Роман Бугаев. Фото: Анна Цыгима

— Остались в Северодонецке люди, с которыми поддерживаешь связь?

— Жопа там — одно выражение. Люди, которые там остались... Я вот сейчас в Славянске людям объясняю... Что они будут делать зимой? То есть коммуникаций, газа по Донецкой области не будет вообще. Чем будут люди топить и что будут делать зимой? Я не знаю, там, где перебили, где оккупанты поломали все и разбомбили. Я не знаю, как там люди будут выживать. По сути, там, чтобы что-то наладить, примерно год нужен будет минимум.

Покровский железнодорожный вокзал остался единственным в области с апреля, когда был

обстрелян вокзал в Краматорске, административном центре подконтрольной Украине части Донецкой области. За пять месяцев российское вторжение привело к знаковым трагедиям во многих регионах Украины: в Кременчуге это ракетный удар по торговому центру 27 июня, в Одессе — удар по санаторию 1 июля, в Виннице — по Дому офицеров 14 июля.

Для Краматорска самый страшный день этой войны — 8 апреля. До этого момента главным эвакуационным хабом в области был именно железнодорожный вокзал Краматорска. Каждый день тысячи людей отправлялись с него в более безопасные регионы. 8 апреля, когда на вокзал прилетела российская ракета, планировалась очередная эвакуация. Погибли 62 человека. После этого вокзал работу не восстановил, и вся железнодорожная эвакуация была переведена в более безопасный Покровск.

Школа Краматорска. Фото: Анна Цыгима

Специфика захвата Россией населенных пунктов в Донбассе такова, что армия сначала буквально превращает город в руины огнем артиллерии, а потом заходит пехотой. Жить в таких городах невозможно, а новые оккупационные власти зачастую и прямо говорят, что восстанавливать их не собираются. Так произошло, например, с городом Попасная в Луганской области, где до вторжения жили почти 20 тысяч человек. Украинские военные оставили ее в мае. «Возможно, мы Попасную восстанавливать не будем, потому что особо смысла нет. Город действительно разрушен практически полностью», — объявил тогда глава самопровозглашенной ЛНР Леонид Пасечник.

Павел Кириленко. Фото: Анна Цыгима

Эвакуация — единственное, что может действительно спасти людей в области. Украинские власти постоянно говорят об этом. По словам главы военной администрации Донецкой области Павла Кириленко, сейчас свои дома покинули две трети жителей, в области остались около 300 тысяч

человек. И Кириленко, и власти в Киеве призывают оставшихся уезжать как можно скорее. Во-первых, так украинской армии будет проще обороняться. Во-вторых, нормально жить в городах Донецкой области в любом случае пока не получится.

Проблема в том, что сейчас там остались те, кто совсем не хочет уезжать или не может решиться на это. Те, кто хотел, уже уехали за предыдущие месяцы. Чтобы как-то подтолкнуть сомневающихся к переезду в более безопасные места, власти Украины объявили «обязательную эвакуацию». Она не принудительная, никого насильно из домов не выкидывают. Но власти объявили, что тем, кто не хочет уезжать, надо подписать расписку, что они осознают все риски в связи с тем, что остаются. По факту «обязательная эвакуация» — это активная кампания по убеждению населения.

Краматорск. Фото: Анна Цыгима

В Краматорск все государственные органы переехали после 2014 года, когда Донецк захватили

пророссийские сепаратисты. До 24 февраля в нем жили около 200 тысяч человек, сейчас осталась треть из них. Гражданских на улице совсем немного. Половина полок в продуктовых магазинах стоят пустыми. Однако несколько кофеен на весь Краматорск все же работают, заполнены они преимущественно военными.

В районе города воюют разные подразделения, в том числе одно из подразделений киевской территориальной обороны. Служат в нем люди из разных регионов, не только киевляне. На мой российский акцент сразу обращает внимание мужчина лет пятидесяти, сам «москаль», как он сказал, русский, который давно уже живет в Украине. 24 февраля он был за границей, но сразу же вернулся в страну. Говорит, что хотел пойти в ВСУ, но его не взяли, хотя в девяностые он служил в украинской армии — военкомат в Киеве не нашел нужных документов. Пришлось идти в тероборону.

Вместе с ним служит женщина родом из Макеевки, этот город под контролем пророссийских сепаратистов с 2014 года. Работала экономистом в одной из украинских госструктур, а добровольцем записалась еще до вторжения — на фоне постоянных разговоров, что Россия скоро нападет на Украину.

Александр Гончаренко. Фото: Анна Цыгима

Мэр Краматорска Александр Гончаренко говорит, что самое сложное — убедить оставшихся уехать, и сравнивает нынешнюю ситуацию с 2014 годом, когда в течение пары месяцев город контролировали силы самопровозглашенной ДНР.

«Очень, очень сложно убедить людей выехать, — признает он. — Есть многие, кто пережил 2014 год, восемь лет назад, во время оккупации русскими террористами во главе с Гиркиным. Это было 35–40 тысяч человек. Пожилые люди говорят: "Если нам суждено умереть, то мы тут умрем". То есть позиция у них такая. Тяжело их убедить выехать, они считают, что должны умереть в своем доме и искать ничего другого. Временного проживания они не хотят. Некоторые переживают, что они уедут, а их имущество разворуют. Эту категорию людей переубедить очень сложно».

Гончаренко надеется, что в случае, если обстрелы будут усиливаться, а линия фронта приблизится, то

«половина из этих людей выйдет все-таки». «Тем не менее в городе больше трех тысяч детей на сегодня остается, — говорит он. — Это мы видим по тем гуманитарным наборам, которые мы школьникам выдавали, семьям с детьми. Плюс нас ждет непростой отопительный сезон, в области с мая нет газа».

Мэр добавляет, что жить в многоэтажках будет невозможно, даже если украинская армия удержит Краматорск и Славянск: «Вот представьте, 912 многоквартирных домов без центрального отопления, потому что и ТЭЦ, и газовая котельная без газа не работают. 60 тысяч квартир будут без тепла. А это значит, будет перекрыта подача воды на каждый дом. Потому что мы не можем допустить, чтобы стояки и вся система водопровода в домах замерзли. То есть не будет работать канализация. Соответственно, условия будут кошмарные».

Редактор: Егор Сковорода